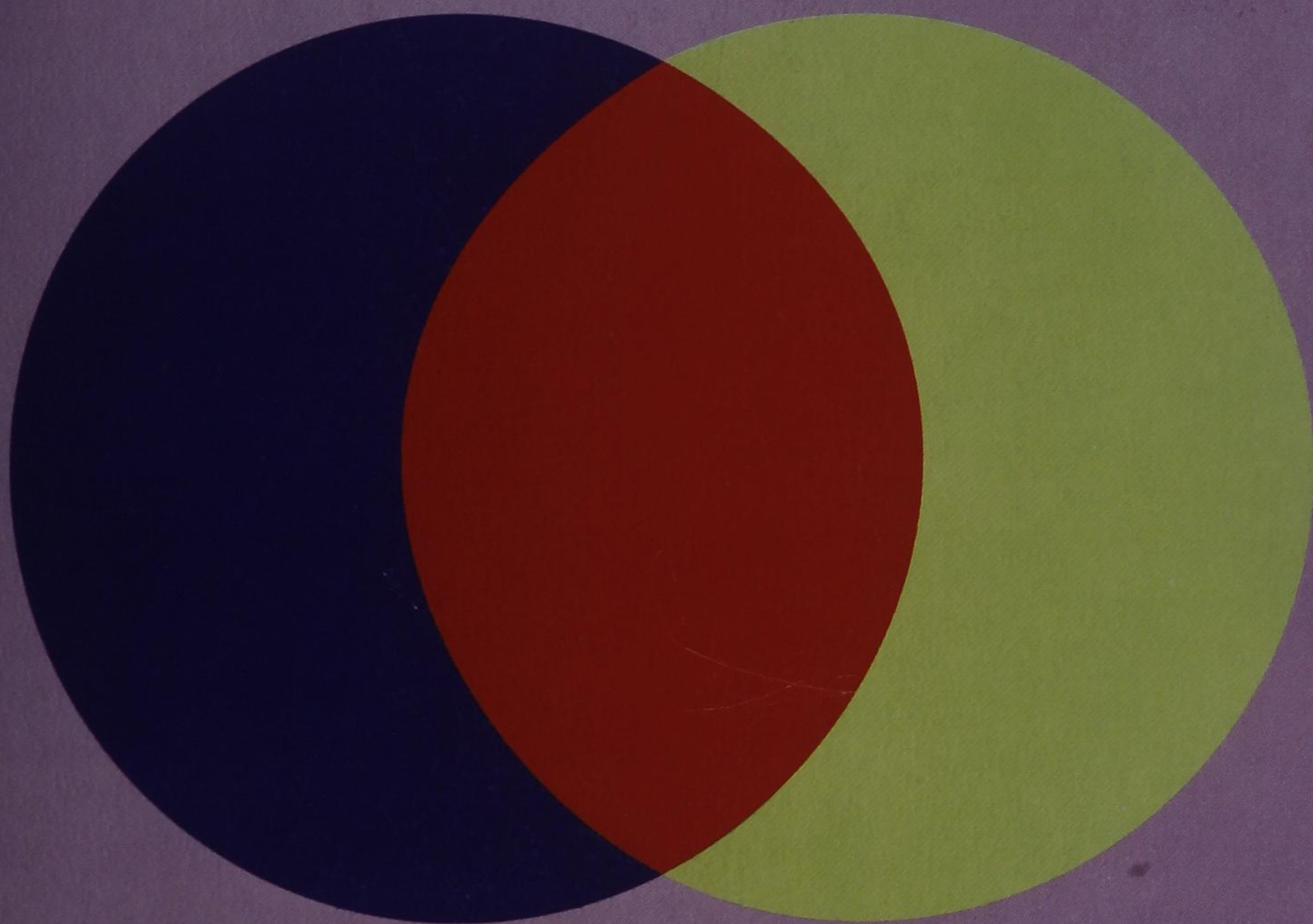

Ю. К. ВОРОБЬЕВ

**ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ
В РУССКОЙ АРМИИ
XVIII ВЕКА**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЕВА»

Ю. К. ВОРОБЬЕВ

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ В РУССКОЙ АРМИИ XVIII ВЕКА

МОНОГРАФИЯ

САРАНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО МОРДОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2009

УДК 947:130.2:811.161.1'373.45
ББК ТЗ(2)5
В751

Рецензенты:

кафедра теории и практики перевода Ставропольского государственного университета
(заведующий — доктор филологических наук профессор *С. В. Серебрякова*);
доктор филологических наук профессор *С. И. Дубинин*

Воробьев Ю. К.

В751 Западноевропейские языки в русской армии XVIII века :
монография / Ю. К. Воробьев. — Саранск : Изд-во Мордов.
ун-та, 2009. — 88 с.
ISBN 978-5-7103-2005-1

Настоящая работа является продолжением исследования «Россия и Западная Европа. Типология культурно-языковых контактов. XVIII век». Эти работы объединяют общий научный подход и общие выводы.

Для всех, кто интересуется проблемами истории речевой культуры и межкультурной коммуникации.

**УДК 947:130.2:811.161.1'373.45
ББК ТЗ(2)5**

ISBN 978-5-7103-2005-1

© Воробьев Ю. К., 2009
© Оформление. Издательство
Мордовского университета, 2009

Воин должен быть на поле боя
страшен, а при дворе любезен.
(Ж.-А. Мобер де Гуве.
«Дворянское училище», 1764)

Введение

Почти исключительно религиозная духовная жизнь русского человека в допетровской Руси уже с конца XVII века стала наполняться новым светским содержанием и новыми формами жизни. На смену разрушенной петровскими реформами церковной святости самодержавия пришло осознание его светской святости. Россия стала впитывать в себя научные, образовательные, литературные, развлекательные и другие элементы западноевропейского опыта. Обновленная умственная жизнь стала откровением для самих россиян. К середине XVIII века раскрылся потенциал петровских преобразований. Экономика переживала подъем. Русская армия стала одной из сильнейших в Европе.

Фактом личной жизни многих образованных россиян уже к середине века стало многоязычие, активное использование иностранных языков (далее ИЯ) в различных видах общественной деятельности: науке, образовании, государственном управлении, системе развлечений и даже армейской жизни. Объем иноязычной «речевой продукции», прозвучавшей, записанной или напечатанной на ИЯ, был колоссален и отличался жанровым разнообразием [71]. Наше исследование является попыткой осветить один из малоизвестных аспектов духовной жизни русских «воинских людей» – форм их культурно-языковых контактов с иностранцами и между собой на западноевропейских языках.

Мы далеки от глубокого обсуждения вопроса о том, каким путем – самостоятельным или несамостоятельным развивалось русское военное искусство и каковы были заслуги иностранного офицерского корпуса в военных победах России. Мы будем только касаться этих вопросов в рамках нашего лингвокультурологического исследования. Нас интересует присутствие в России иностранных офицеров и генералов как носителей ИЯ в рамках их культурного взаимодействия с россиянами. В первую очередь нам интересен не собственно воинский профессионализм иностранцев, а их, повторимся, культурный потенциал, общая и частная эрудиция, культура общения, использование родных языков на неродной для них территории.

Любая армия для выполнения своих функций использует единый язык управления, определяемый законодательством и национальными традициями. Созданная в 1762 году Воинская комиссия отмечала: «Си-

ла войска состоит не во многом числе оно, но от содержания его в дисциплине, от хорошего его научения, доброго содержания и верности, наибольшим же ко всему основанием признается общий язык, вера, обычай и родство» [63, с. 307]. Именно национальный язык есть основа быстрого, однозначного взаимопонимания между командиром и подчиненным, «речевая гарантия» правильности перемещения, дислокации войск, эффективности боевого маневра и т.д. До личного состава приказы доводились всегда только на русском языке. На нем же отдавались команды. С другой стороны, любая армия является «сколком» гражданского общества. В ней, как в фокусе, отражены многие особенности общественной жизни. В XVIII и в начале XIX века в русской армии в системе армейского управления помимо русского языка использовались также немецкий и французский языки, что определялось большим процентом немцев среди офицерского состава среднего и высшего звена, а также универсальностью французского языка. Даже во время Отечественной войны 1812 года все важнейшие царские манифесты составлялись на французском языке. Одним из их составителей был выпускник Киевской духовной академии В. Ф. Тимковский (1781–1832). На русский язык манифесты переводил член Российской академии, государственный секретарь А. С. Шишков (1754–1841) [111, с. 173].

Французский и немецкий языки широко использовались в устной форме в армейском быту, а также в семейном быту иноземных и части российских офицеров. Совершенно свободно общались на них окончившие кадетские корпуса русские офицеры и прибалтийские немцы, тем более, что для последних немецкий язык был родным. Для образованных иноземных и русских офицеров потенциальная возможность общаться между собой на немецком и французском языках была высочайшей, а само общение, как в устной, так и в письменной форме – систематическим и многомерным.

Историю творила не безликая масса, а сотни и тысячи личностей, проводивших в жизнь государственную волю и так или иначе ее одухотворявших, поэтому мы постарались персонифицировать активную речевую деятельность на ИЯ, «очеловечить» ее за счет пусть даже самой короткой, прежде всего языковой или риторической, характеристики личности: 1) образованного русского офицера; 2) служившего в русской армии офицера-иностранца; 3) «своего» служилого немца, каковым являлся выходец из присоединенных к России Лифляндии, Эстляндии и находившейся под сильнейшим российским влиянием Курляндии. Лифляндией называлась северная часть современной Латвии и южной Эстонии, Эстляндией – северная часть современной Эстонии, а Курлянди-

ей – западная Латвия со столицей в Митаве. Эти территории имели и общее название – Остзейский край.

Многие приезжавшие в Россию из Западной Европы офицеры и военные инженеры имели боевой опыт, во всяком случае, именно таких специалистов нанимали в первую очередь. Часть из них обладала определенной теоретической подготовкой. Благодаря иностранцам русские войска приобретали европейскую боевую выучку. Иноземные генералы вместе с русскими организовали работу Военной коллегии, усовершенствовали инженерную, интендантскую и караульную службы, артиллерийские парки и многое другое.

Кроме прямых обязанностей: учить строю, маневрам, дисциплине и т. д. иноземцы несли за собой европейский «культурный шлейф», в частности, европейские формы светского общения. В 1702 году службу в русской армии в чине полковника начал выходец из Ревеля немец Карл Эвальд Ренне (1663–1716). До 1707 года он был шефом драгунского полка своего имени. Однако интересен его прежний послужной список и воспитание. В 10 лет он стал пажом при шведском королевском дворе, а значит, не понаслышке был знаком с тонкостями светского этикета. С 1683 по 1702 год Ренне служил в голландской, затем в саксонской армиях [105, т. 3, с. 259]. Таким образом, помимо вопроса о том, какова была роль иностранного генералитета и офицерства в боевых победах русской армии, в формировании ее воинских традиций, правомерно поставить вопрос о том, какова была их культурная миссия в России? За культурой профессии следовала культура общежития. Нас интересует уровень образованности, в частности языковой, российских генералов и офицеров и служивших в русской армии иноземных генералов и офицеров.

Важнейшей социальной проблемой для принимавших русское подданство иностранцев был вопрос о сохранении ими (первое поколение) и их детьми (второе и следующие поколения) родного языка как средства бытового общения. К примеру, в XVII веке в Россию приехал и остался навсегда французский дворянин полковник Д. Николь-Деманор. Даже если он прибыл в Россию с семьей, вряд ли французский «речевой быт» этой семьи мог долго сопротивляться окружающей ее стихии русской речи. Уже дети полковника-француза в любом случае частично ассимилировались, то есть в семье они продолжали общаться с родителями по-французски, а вне семьи совершенно свободно общались с россиянами на русском языке. Быстрой культурной ассимиляции подвергались те иноземцы и члены их семей, кто оставался в России навсегда, а сохранение национальной специфики поведения, активное культивирование родного языка и ИЯ было свойственно тем, чья служба в России